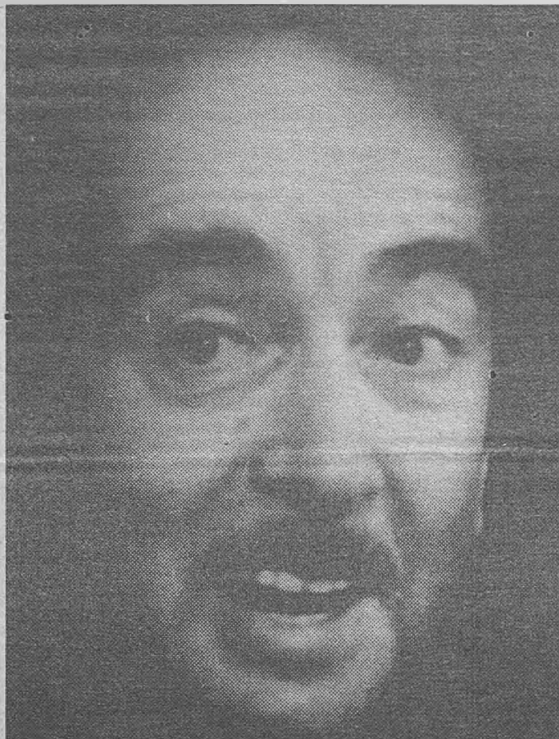

Труд. - 1998. - 16 окт. - с. 5

Великий Александров

16.10.98

Неужели только 80? А голос, записанный на лентах стареньких катушечных магнитофонов, доносится до нас словно бы из совершенно другой эпохи. Ну да, ведь столь многое произошло в жизни за десятилетия, минувшие со дня гибели сочинителя и певца. Кинули в лету единомыслие, цензура, политическая эмиграция, другие реалии советского периода. Кинули? Но отчего нет ни малейшего ощущения архаики, когда мы слушаем эти песни? Не оттого ли, что, пройдя круг, мы парадоксальным образом вернулись к тому, от чего надеялись уйти навсегда? И разве случайно, что в песнях нынешних "властителей дум" — Макаревича, Гребенщикова, Шевчука — все отчетливее звучат параллели с галичевскими интонациями иронии, социального обличения, презрения к власти имущим... Голос Галича — голос правды, а она не может умереть или устареть. И, конечно, этот голос жив для той, которая лучше кого-либо другого знает его не искаженное шипящей и хрипящей техникой звучание, помнит образ не из мифов и преданий, а живой, всегда "сегодняшний". В скромной московской квартирке, что на Соколе, я беседую с актрисой, автором и исполнителем сценических программ, посвященных Галичу, секретарем комиссии по его литературному наследию. Короче — с дочерью великого русского барда Аленой Архангельской-Галич.

Галич в дни фестиваля бардовской песни в Новосибирске (март 1968 года), после которого началась его открытая травля.

— Меня в тот день не было в Москве. Но друзья такое подтвердили...

— Как, по-вашему мнению, можно объяснить соседство у него песенной сатиры — и легких развлекательных пьес, комедийных киносценариев? Это не было каким-то душевным раздвоением?

— Нет. Он прекрасно знал театр (как актер был одним из последних учеников Станиславского). Перо — легкое, фантазия — бесконечная. "Раздвоения" не было — просто чувствовал сцену, знал, что должно хорошо пойти на ней. Ну и потом в его пьесах нет ничего такого особенно просоветского. "Без подлости", как он сам не раз говорил, — то есть без воспевания режима. Зато все безошибочно написано по законам жанра. Причем если писались "Верные друзья", то параллельно — так и не разрешенный "Чайковский"; комедия "Дайте жалобную книгу" — и тут же "Третья молодость" (сценарий фильма о Мариусе Петипа).

К фильмам Галича писали музыку известные композиторы — при том, что он и сам интересно сочинял. Никита Богословский, услышав некоторые его опыты, резонно задал вопрос: зачем ему композиторы со стороны? "Так я же дилетант!" — скромно ответил отец...

СТИХИ, ПРИТВОРИВШИЕСЯ ПЕСНЯМИ

В ЭТИ ДНИ АЛЕКСАНДРУ ГАЛИЧУ ИСПОЛНИЛОСЬ БЫ 80 ЛЕТ

— Алена Александровна, как именвал ваш отец свои музыкально-поэтические новеллы для голоса и гитары? Стихами, балладами или просто песнями?

— Он называл их так: "Стихи, притворившиеся песнями". Вообще, этот жанр был подсказан отцу известным журналистом Анатолием Аграновским. Он же посоветовал аккомпанировать себе не на рояле (хотя Галич хорошо играл на нем), а на гитаре. Аграновский неплохо владел этим инструментом и показал отцу многие приемы. Так что Галич однажды даже подарил ему программку своей пьесы "Много ли человеку надо?", которая шла в Вахтанговском театре в постановке Юрия Любимова, и надписал: "Учителю от ученика".

— Как вы думаете, в какой мере сохранилась сегодня актуальность, некогда жгучая, драматически напряженных песен Галича? Мы ведь видим, как стремительно исчезают сегодня из обихода многие вершинные явления отечественной культуры. Сегодня, например, Прокофьев и Шостаковича играют заметно меньше, чем двадцать лет назад...

— Их исполняют меньше потому, что сегодняшнее сознание как никогда оболванено массовой культурой. Особенно пострадало, естественно, молодое поколение. Старшее то успело что-то увидеть и услышать, кроме назойливых клипов и шумных стадионных концертов. Но я не думаю, что Прокофьев, Шостакович, Шнитке уйдут из повседневности. Они обязательно будут в ней присутствовать — и даже в значительно большей степени, чем сегодня. Просто сейчас — смутное время. Интеллигенция озабочена простейшим выживанием. Но я думаю, что и это, как сказано в Библии, пройдет...

Что же касается моего отца, то, как мне кажется, злорадность его песен к исходу века лишь увеличилась. А отсюда — они вновь, как в 70-е годы, выглядят опасными. То, что он говорил тогда, в брежневскую пору, звучит сегодня еще более остро. Вот несколько строк из его автобиографической повести "Генеральная репетиция", написанной про 50-е годы: "Я вернулся к своей пьесе "Матросская тишина" после XX съезда партии и разоблачения Хрущева культ личности. Вернулся в ту пору, которая с легкой руки Ильи Эренбурга получила название "оттепели". Название при всей своей пошлости точно отражает ту насморочно-хлипкую кутерьму, ту восторженно-потную неразбериху, которые эту пору отличали. И опять мы, как бараны, поверили. Опять радостно кинулись на зеленую травку, которая вскоре оказалась вонючей топьей..." Разве все это не актуально сейчас, в конце 90-х? Движение идет по спирали, повторяя витки — только в худшем варианте...

Напомню еще несколько строк из

поэмы отца о Сталине — их часто цитируют журналисты:

*"Не верьте тому, кто скажет — я знаю, как надо!
Наврет он такие враки
и такой наплетет рассказ,
Что не раз тот рассказ в бараке
Вы припомните в горький час!"*

Сегодня политики опять говорят нам, что знают, как надо...

А вот строчки из песни, посвященной уставу караульной службы:

*"Пусть опять нас тетяшкает слава,
Пусть друзьями назвались враги —
Помним мы, что движенье
направо
Начинается с левой ноги".*

Еще одно прямое попадание, правда?

Или (вновь из "Генеральной репетиции"): "Похоронить в Москве трудно. Убить — легко."

Итак — современен ли Галич сегодня? Конечно, современен. Что, по сути, изменилось-то? Ведь, вроде бы получив свободу (по крайней мере свободу слова), мы не имеем реальной возможности воспользоваться ее плодами. Да, можно писать что угодно, ругать президента, власть... Но если раньше при определенных правилах игры того времени на острую статью хотя бы обращали внимание, то сейчас никому ни до чего нет дела.

В Москве, например, вот уже около десяти лет власти не в состоянии разработать положение о памятниках. С одной стороны, многотысячные, как грибы, бездарные монументы — Петру I, Высоцкому (речь, конечно, об отрицательном отношении не к персонажам, а к их изваяниям). С другой — я не могу установить мемориальную доску на доме, откуда выехал в изгнание мой отец (ходатайство поддержано Конгрессом русской интеллигенции, многими депутатами). Как в лучшие застойные времена, бумага курсирует от мэра к вице-мэру, и далее к небольшому чиновнику Тартальскому. И возвращается с резолюцией: "Разрешить не можем в связи с тем, что не разработано положение по данному вопросу". Интонация — если не из Галича, то из Салтыкова-Щедрина или Булгакова.

"Я выбираю свободу" — этой знаменитой отцовской фразой мы озаглавили вечер памяти, который, кажется, все же пройдет в Политехническом музее 18 октября. Выступят О. Табаков, Е. Камбурова, Ю. Ку-

кин, А. Мирзаян, Д. Межевич, М. Кривошеев, Б. Львович, В. Славкин, М. Швейцер... Но каких трудов стоило этот вечер организовать!

А вот двухтомник Галича скоро выйдет в издательстве "Локид" — книгоиздание пока, слава Богу, не зависит от "указаний". Во второй том войдут неизвестные произведения отца — такие, как "Блошинный рынок", незаконченный роман "Еще раз о чёрте", сценарий "Федор Шляпин". Положение с архивом Галича и правами наследников на него очень сложное: отец погиб в Париже, и часть парижского архива вообще неизвестно где сейчас находится. Тем не менее какие-то вещи — стихи, прозу, сценарии, песни — мы публикуем. Так здорово, что удалось найти сценарий неосуществленного трехсерийного фильма о Шляпине! У него своя судьба — его начал снимать режиссер Марк Семенович Донской. Была сформирована съемочная группа, на главную роль пригласили актера театра имени Маяковского Игоря Охлупина... Но к этому времени отца исключили из Союза писателей и Союза кинематографистов — и фильм был закрыт, несмотря на яростные протесты Донского и даже согласие отца снять свое имя из титров. Сейчас текст нашли в фонде Донского в ЦГАЛИ...

— В прошлом году минуло двадцать лет со дня кончины Александра Аркадьевича. Раскрыта ли окончательно тайна этого трагического события? Есть ли новые сведения?

— Новых фактов как будто бы не выявлено. Хотя ясно, что это, скорее всего, не несчастный случай, а профессионально подготовленное убийство. Отец нуждался в специальной антенне к радиоприемнику, чтобы слушать передачи из Москвы (он вел постоянный цикл "У микрофона Александр Галич", и ему надо было знать официальную советскую позицию). Он долго просил техников радио "Свобода", чтобы они купили нужное оборудование, но в конце концов, махнув на все рукой, просто спросил одного из них, какая марка требуется, и решил самостоятельно отправиться в магазин. Галич вышел из помещения радио вместе с Андреем Сияновским, сходил в супермаркет и купил, что требовалось. Вернувшись домой, принял душ. Он был в махровом халате. Ангелина Николаевна (его вторая жена) вышла в это время на улицу за сигаретами.

Отсутствовала она четверть часа. Последними словами Галича были: "Придешь — услышишь необыкновенную музыку!" Вернувшись, она увидела отца лежащим на ковре с антенной в руке — причем антенна была напрямую включена в розетку. Тут целый ряд несообразностей: во-первых, в Париже низкое напряжение, не способное убить; во-вторых, чтобы попасть вилкой в розетку, надо сильно наклониться, а отец лежал так, словно упал как подкошенный со всей высоты своего роста (метр восемьдесят пять!); в-третьих, он был технически достаточно образован, да это и любой школьник понимает — напрямую в сеть антенну не включают...

— По его передачам с Запада в ту пору чувствовалось, что настроение у него было невеселым. С кем он дружил, в какой атмосфере существовал?

— Дружил с Владимиром Максимовым и особенно с Виктором Некрасовым... Казалось, у него было все то, чего его лишили на родине (его единственный сольный концерт в России — знаменитый вечер в Новосибирске в 1968 году), — фестивали, записи, авторские вечера... "Свобода" сняла для него роскошную квартиру. Он жил в достатке, ездил по всему миру. Не было лишь одного: своего слушателя. Однажды он выступал в Авиньоне, работая с переводчиком. Потом сказал мне: "Песня с переводчиком — это уже не песня!" Ему не доставало российской жизни — какой бы ужасной она ни была. Не хватало страны, которую он проклинал, ругал, но без которой буквально задыхался. И даже сказал однажды — будучи "на свободе": "Здесьняя несвобода ничем не лучше нашей. Может, к черту все — и пускай сажают!"

— Скажите, а правда, что соседил по дому в день его высылки из СССР, не смея попрощаться "в открытую", все как один вышли во двор "прогуляться с собаками"?

— Судя по остроте и едкости его песен, Александр Аркадьевич должен был и в жизни быть таким же острым, возможно, даже злым...

— Его песни не злы, а, скажем так, саркастичны. Проницательны. Вот уж кто имел основание про себя сказать: "Не могу молчать". Но он говорил еще сильнее: "Промолчи — попадешь в палачи!" Друг отца, поэт и драматург Михаил Львовский считал, что Галич — это Зошенко в песне; в эмиграции отца называли "Солженицыным песни", а вот Корней Иванович Чуковский надписал ему свою книгу: "Продолжателю гневной музы Некрасова!" Так что все же не злость это, а отчаяние, крик:

*"Ну не спеши, еще так
долго путь!
Не в силах стать оружием —
стань орудьем.
Но докричись хоть до
кого-нибудь...
Хоть что-нибудь оставь
на память людям!"*

— А как Галич выглядел в роли отца?

— Он на нас никогда не давил, функция воспитания всецело лежала на матери. Пожалуй, мне он даже потворствовал: когда я прогуливала уроки, то могла позвонить ему — и мы вдвоем отправлялись в кино.

Интересно, что его часто именovali "баринцом". Почему? Может, потому, что умел элегантно носить костюм — Нагибин позже признавался: "Шили у одного портного; на Саше все сидело, как на небожителе, на мне — как на обычном смертном..." И говорил очень хорошо — просто, сочно, ярко. А так — ни дачи в Переделкине, ни машины. Только библиотека, которую, оказавшись без работы, он стал продавать, шутя при этом: "Работаю книгоношей!"

Пожалуй, точнее назвать его аристократом. Ведь аристократизм и демократичность — отнюдь не противоречащие друг другу вещи. Лучшие русские сочинители — пример тому. И в этом смысле отец не нарушил традицию...

**Вел беседу
Аркадий ПЕТРОВ.
Фото
Михаила БАРАНОВА.**

Высылаем (БЕСПЛАТНО) информацию по трудоустройству на высокооплачиваемую сезонную и постоянную работу по различным специальностям.

Желающим прислать заявку и конверт с обратным адресом обращаться: 199034, Санкт-Петербург, а/я 462.